

можем вообразить. Западные литературы в настоящее время не представляют ничего равного и даже ничего близко подходящего к тому, чем мы обладаем». ²⁶ Несколько лет спустя, по поводу «Анны Карениной», Достоевский и сам выскажется в том же духе. Но тогда он был задет восторгами Страхова. Возможно, был задет и мыслями критика о «составе наших художественных писателей», который с 1868 года, после появления «Войны и мира» «получил иной вид и иной смысл»: «Гр. Л. Н. Толстой занял первое место в этом составе, место неизмеримо высокое, поставившее его далеко выше уровня остальной литературы. Писатели, бывшие прежде первостепенными, обратились теперь во второстепенных, отошли на задний план». ²⁷ Толстой превзошел как своих сверстников, так и близких по времени предшественников: «Он выступил на свое поприще вместе с Островским и Писемским: он явился со своими произведениями немногим позже Тургенева, Гончарова, Достоевского. Но между тем, как все его сверстники по литературе давно уже высказались, давно обнаружили наибольшую силу своего таланта, так что можно было вполне судить о его мере и направлении, — гр. Л. Н. Толстой все продолжал упорно работать над своим дарованием и вполне развернул его силу только в „Войне и мире“». ²⁸ Достоевский, Тургенев и другие вдруг превратились в «меньшие светила, озаряющие нашу жизнь таким слабым и неровным, а часто даже совершенно неправильным светом». ²⁹

Достоевский не мог не испытывать чувства горечи и обиды на близкого литературного приятеля (и друга семьи, так сильно опечалившего позднее Анну Григорьевну своим оскорбительным письмом Толстому³⁰). Отзывы Страхова о произведениях Достоевского в печати (да и в письмах) были редкими и сдержанными. Исключением, пожалуй, была только большая критическая работа о романе «Преступление и наказание» (1867), одобренная, согласно воспоминаниям самого рецензента, Достоевским: «Ф. М., прочитавши ее, сказал мне очень лестное слово: „вы одни меня поняли“» (Страхов старательно воспроизвел все положительные отзывы Достоевского о своих литературно-критических и философских работах и в письмах к Толстому). ³¹ Но надо отдать должное Страхову: он сам признавался, что разбор романа написан «сдержанным и сухим тоном», что «был виноват именно в том, что холодно и вяло говорил о таком поразительном литературном явлении». ³²

Но и у Достоевского имелись серьезные основания так отзываться о статьях Страхова — они, несомненно, самая глубокая и значительная работа современника о романе Достоевского. Уверенно и остроумно полемизиру-

²⁶ Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 351.

²⁷ Там же. С. 350.

²⁸ Там же. С. 307.

²⁹ Там же. С. 351. Правда, позднее в статье «Поминки по Аполлоне Григорьеве» (1889) Страхов «уравнивал» Достоевского с Толстым: «...два писателя, Достоевский и Л. Н. Толстой, только после смерти Григорьева вполне раскрыли свои силы, приобрели значение, можно сказать, отодвинувшее на второй план всех предыдущих» (Страхов Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 248). И несколько раньше в статье «Взгляд на текущую литературу» (1883) он писал накануне выхода первого тома собрания сочинений Достоевского: «...только теперь эти сочинения получают наибольшее свое распространение и действие», «это целая туча самых живых и разнообразных задач» (Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 394).

³⁰ С вдовой Достоевского Страхов сохранял дружеские отношения и после публикации «Воспоминаний». Книгу «Воспоминания и отрывки» подарил ей с такой надписью: «Анне Григорьевне Достоевской в знак давней приязни и душевного уважения от Н. Страхова. 9 дек. 1892. СПб.».

³¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 290. Привел он и такие слова Достоевского, обрадовавшие самолюбивого философа: «Да половина моих взглядов — ваши взгляды» (там же, с. 238).

³² Там же.